

МОНОЛОГ АКТЕРА

Статьи, интервью и рецензии, неизменно сопровождающие каждую работу признанного актера, далеко не всегда удовлетворяют интерес к его творческой личности. Рассказ о нелегком актерском труде из первых уст чрезвычайно привлекателен хотя бы тем, что помогает лучше понять актера, проникнуть в его творческую лабораторию. Слово — народному артисту РСФСР, лауреату премий имени Александра Довженко и братьев Васильевых Михаилу Андреевичу Глузскому, сыгравшему в кино более ста ролей.

— В Крыму я бывал много раз. Первые в 1936 году — отдыхал по путевке, которой был награжден за участие в художественной самодеятельности. Потом редко доводилось приезжать на отдых, на работу — снимался в фильмах или играл в спектаклях театра имени Ермоловой и театра-студии киноактера.

В этот раз в Крыму я находился по приглашению бюро кинопропаганды, которое организовало в Симферополе, Феодосии, Алустге, Евпатории, а также Сакском и Кировском районах мои творческие встречи со зрителями.

Хочу признаться, что не всякая встреча приносит актеру подлинную радость общения. Бывает, нас приглашают выйти на полминуты перед демонстрацией фильма, вручают букет цветов и желают больших творческих удач. В такие минуты чувствуешь себя неловко и неутоно.

Встречи со зрителями в Крыму доставили мне истинное наслаждение, так как дали возможность вести серьезный разговор о кино и его проблемах с очень интересными, но чрезвычайно доброжелательными людьми. Им не пришлось объяснять, что творчество киноактера следует воспринимать в непрерывном процессе, где интерес кинематографа предполагают и жертвы, и потери и требуют постоянного таланта терпения. И жалобы на судьбу здесь бесполезны — поскольку никто из актеров от превратностей этой судьбы не откажется.

Я, например, длительное время играл лишь одни отрицательные роли. Мне даже казалось, что после выхода «Тайны двух океанов» режиссеры буквально сговорились на роли предателей, шпионов, белых офицеров и всяких других мерзавцев приглашать только меня. Работая над такими ролями, важно найти глубинную трактовку характеров. Нельзя с прищуром и презрением играть, допустим, бандита: я, мол, играю его, но я ведь не такой, ничего общего с ним не имею и презираю его.

Разумеется, если ты присутствуешь на экране от первого и до последнего кадра, то у тебя неизмеримо больше возможностей, чем у того, кто дважды появился на 30 секунд. И все

же тот, кто появился перед зрителями лишь на мгновение, должен своими средствами достичь той же цели — создать полноценную человеческую личность. Но тут перед актером встает дилемма: как играть хорошего человека, а как плохого? Может быть, хорошего играть хоршими, а плохого — плохим? Нет! А вот нащупать даже в двухминутном персонаже несогласованность стремлений и обстоятельств, мешающих их осуществлению, всегда интересно. Чтобы злодей казался немощно привлекательными, по крайней мере на первый взгляд, а положительные персонажи, быть может, настораживали ощущением внутренней силы, которая, кто знает, как выхлестнется в следующую секунду.

Создать полноценный характер не всегда удается. Тогда можно остановиться на символе, обобщенном образе. Таким и получился администратор гостиницы в «Кавказской пленнице». Разбитый мальчик, который, помните, узнав, что приезжий собирает тосты, тут же достает громадную бутылку вина. Потом он, выполняя команду начальника буквально, приносит в номер поднос с «тостом», представленный в «трех экземплярах». Уверен, что с эпизодом нужно быть на «вы».

Долго и много я играл на экране военных, во внешности которых должны бросаться в глаза постоянная собранность, выправка, внутреннее достоинство, способность подчиняться, не уронив себя. Еще до войны, занимаясь в школе киноактера при «Мосфильме», я сыграл роль ополченца в картине «Минин и Пожарский». Позже были роли командующего армией в картине «Мне было 19», матроса в «Ласточке», летчика в «Места тут тихие», сержанта-пехотинца в «Освобождении», полковника-танкиста в «На войне, как на войне», чекистов в картинах «По тонкому льду», «Как вас теперь называют?», «Миссия в Кабуле». Образы сами по себе интересные. Но если актер долгое время играет роли одного и того же плана, он невольно становится «беднее» и однообразнее. Я испытал это на себе.

Выступления в Крыму дали мне возможность убедиться, что и у меня, и у зрителей — оды и те же любимые фильмы и симпатии. Им, как и мне, нравится герой картины «Пришел солдат с фронта» Иван Степанович с его непоказным оптимизмом («Мне еще чем повезло — сразу не ослеп...»), с его талантливостью — этот истинно шукшинский персонаж. Есть у меня еще одна любимая роль, которая помогла окончательно вырваться из амплуа «отрицательного» героя, в котором я был закован долгие годы, — роль Фокича из картины «В огне брода нет». Кто он, Фокич? Положительный или отрицательный? Во всяком случае, не отрицательный, потому

что беспредельно предан революции и идет за нею на смерть. Но Фокич и не положительный герой, ибо прямолинейность его настораживает, догматизм пугает, а излишняя суровость не располагает к нему людей. Как сложно и противоречиво смешались в Фокиче разные качества — например, слепой гнев и неограниченная нежность. Полифонию, историческую многозначность этого характера показать было необходимо. И вместе с тем Фокич, как хотелось убедить зрителя, — прежде всего живой человек.

На каждой встрече неизменно заходила речь о фильме «Монолог», о роли академика Сретенского. Эта роль была для меня, может быть, самой трудной из всех, сыгранных за последнее время, но зато и самой памятной. А начинался для меня «Монолог» вовсе не просто. Сценарий был написан для другого актера, а мне предложили сыграть эпизодическую роль. Вдруг — предложение режиссера Ильи Авербаха взяться за роль Сретенского. Петербуржец до мозга костей, подлинный русский интеллигент, профессор, потом академик, живущий на экране почти тридцать лет, и вместе с тем, одинокий старик, который неожиданно обретает семью — дочь внучку. Трудно было представить, что я смогу все это сыграть. Работа началась, но в один прекрасный день стало очевидно, что мы ошибаемся, потому что находимся в плену сценария, его заворачивающей интонации. Получалась такая добрейшая доброта, такая духовнейшая духовность. И мы стали искать, где Сретенский не во всем, не до конца добр, благочестив и почему. Пришлось все переделывать, менять ритм некоторых сцен, даже менять костюмы Сретенского — сначала он ходил в черном, с зонтиком, с постным, отрешенным лицом... Так создавался Сретенский — роль, которая стала для меня уроком достоинства, заветом доброты.

Естественно, на каждой встрече я отвечал на многочисленные вопросы зрителей и рассказывал о своих последних работах, о планах на завтра. Говорил о проблемах, поднятых в фильмах «Дом у кольцевой дороги» и «Ночь председателя», которые недавно прошли по телевидению, о роли Леонида Борисовича Красина в фильме «Конец операции «Террор» и роли режиссера «Профессора» в фильме «Брелок с секретом», работу над которыми только что закончил.

Каждый день нашей актерской жизни дарит что-то неожиданное. Работа актера, как и работа всякого творческого человека, — езда в неизвестное. В преодолении трудностей, с которыми приходится встречаться, изучая человеческий характер, неверное, и состоит счастье нашей актерской судьбы.

Монолог записал
В. ДРУЖБИНСКИЙ.